

КЛАССИКА
РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИСТИКИ

М.М. Агарков

**Избранные труды
по гражданскому
праву**

2-е издание, с изменениями

Москва • 2024

УДК 340
ББК 67
А23

Председатель редакционной коллегии серии
д-р юрид. наук, проф. *Е.А. Суханов*

Редакционная коллегия серии:
д-р юрид. наук, проф. *В.В. Витрянский*
д-р юрид. наук, проф. *П.В. Крашенинников*
А.Г. Долгов
канд. юрид. наук *А.В. Ем*

Редакционная коллегия издания:
канд. юрид. наук, доц. *В.С. Ем* (научный редактор, составитель),
А.Г. Долгов (составитель), канд. юрид. наук *И.В. Стасюк*

Агарков, Михаил Михайлович.

А23 Избранные труды по гражданскому праву / М. М. Агарков. — 2-е изд., с изм. — Москва : Статут, 2024. — 964 с. (Классика российской цивилистики.)

ISBN 978-5-8354-1980-7 (в пер.)

В настоящем издании представлены труды видного отечественного цивилиста М.М. Агаркова (1890—1947). В первый раздел книги вошли исследование М.М. Агаркова о ценности частного права и работы о предмете, принципах гражданского права, проблеме злоупотребления правом, праве на имя, понятии сделки, переводе долга и об исковой давности. Особое место в данном разделе занимает фундаментальное произведение М.М. Агаркова «Учение о ценных бумагах». Второй раздел включает сочинение М.М. Агаркова об обязательствах, которое давно и заслуженно отнесено к разряду классических и остается таковым в наши дни. Наряду с этим сочинением во второй раздел помещены его исследования о банках, банковских операциях и сделках, а также труды об обязательствах из причинения вреда и о юридической природе железнодорожной перевозки. Работы М.М. Агаркова интересны не только как доказательства эволюционного развития российской цивилистической науки, но и как образцы оригинального, творческого подхода автора к решению целого ряда научных проблем. Они сохраняют актуальность и сегодня.

УДК 340
ББК 67

Издательство выражает искреннюю признательность
Ивану Васильевичу Стасюку за помощь в переиздании настоящей книги.

ISBN 978-5-8354-1980-7

© В.С. Ем, А.Г. Долгов, составление, 2012
© В.С. Ем, вступительная статья, 2012
© В.Н. Казарин, вступительная статья, 2012
© О.Р. Халфина, статья, 2012
© И.В. Стасюк, предисловие ко 2-му изд., 2024
©Редподготовка, оформление, переиздание. Издательство «Статут», 2024

Научное наследие М.М. Агаркова и его место в современной цивилистике

(Предисловие ко 2-му изданию)

В настоящем издании читателю предлагаются избранные труды одного из ярчайших представителей отечественной цивилистики — Михаила Михайловича Агаркова (1890—1947). В современной России работы М.М. Агаркова не обойдены вниманием: в 1994 г. были переизданы его «Учение о ценных бумагах» и «Основы банковского права»¹, эти же работы были переизданы в 2005 г.² В 2002 г. вышло двухтомное издание избранных трудов М.М. Агаркова³, включающее «Ценность частного права», «Ценные бумаги на предъявителя», «Обязательство по советскому гражданскому праву», а также ряд статей. В серии «Классика российской цивилистики» двухтомное издание трудов М.М. Агаркова вышло в 2012 г. В настоящее время эти книги доступны не каждому юристу, что и обуславливает необходимость в переиздании работ Михаила Михайловича.

Р.О. Халфина в статье, посвященной М.М. Агаркову (1978 г.)⁴, констатирует, что и спустя 30 лет после смерти автора многие цивилисты ссылаются на его работу «Обязательство по советскому гражданскому праву» 1940 г. Прошло уже более 45 лет с момента написания самой этой статьи, с момента же выхода работ Агаркова — от 80 до 100 лет. Беглый анализ современных работ (монографий, статей и диссертаций) показывает, что М.М. Агарков остается широко цитируемым автором. Причем речь идет не только об «Обязательстве...», но и о других его

¹ Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М.: БЕК, 1994.

² Агарков М.М. Основы банковского права. Учение о ценных бумагах. М.: Волтерс Клувер, 2005.

³ Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. М.: Центр Юр-ИнфоР, 2002.

⁴ Халфина Р.О. Михаил Михайлович Агарков (1890—1947) // Правоведение. 1978. № 3. Статья приводится в настоящем издании.

работах — «Ценность частного права», «Предмет и система советского гражданского права», «Основы банковского права», «Перевод долга» и др.¹ Впрочем, ссылка ссылке рознь. Ссылки на Агаркова — это не «ссылки-алиби» или «декоративные ссылки»². На Агаркова ссылаются для развития собственной аргументации.

В данном вступительном слове мы не ставим себе задачу в подробностях прокомментировать работы Агаркова — это требует значительно более объемного исследования, нежели предполагает формат вступления, да и предварять собственным комментарием труды автора до того, как с ними ознакомится и составит собственное мнение читатель, было бы несколько самонадеянно и неуважительно к самому читателю — словно бы издатель должен сомневаться в способности читателя самостоятельно ознакомиться с оригиналом и полагает, что последний нуждается в неких опорах, которые укажут на нужные места в тексте, обозначат пробелы, маркируют основные тезисы.

На примере работ М.М. Агаркова мы можем увидеть, каково место догматической юриспруденции в современной юридической науке. Работы М.М. Агаркова можно классифицировать в качестве образца догматической юриспруденции, которая была весьма типичной для советской юридической науки. Некоторые положения и рассуждения, приводимые в работах М.М. Агаркова, безусловно, устарели, но поэтому и встает вопрос о том, какая часть творчества М.М. Агаркова сохраняет свою актуальность и входит в современный юридический дискурс.

Понятие догмы права, по мнению С.А. Муромцева, включает в себя: **описание** юридических форм, образующих право или данный отдел его; **обобщение**, состоящее в выявлении принципов, обобщающих многие частные нормы и правила; **определение**, предполагающее наделением названием категорий юридических фактов (например, субъект права, право собственности, сервитут и т.д.); **классификацию**, т.е. выстраивание правил, принципов и определений в систему³.

При этом догматическое исследование, по замечанию С.А. Муромцева, не имеет ничего общего с исследованием законов⁴.

¹ Согласно электронному каталогу РГБ каждый год в различных работах содержится свыше 300 ссылок на М.М. Агаркова.

² Здесь я отсылаю к написанной в полусутоливом тоне статье Юргена Базедова, которая содержит классификацию ссылок в научной работе: *Базедов Ю.* Прологомены к функциональной теории сносок // Вестник гражданского права. 2009. № 1.

³ *Муромцев С.А.* Что такое догма права? М., 1885. С. 7–9.

⁴ Там же. С. 2.

Если мы обратимся к монографии М.М. Агаркова **«Обязательство по советскому гражданскому праву»**, то увидим, что она выдержана в стиле догматической юриспруденции и являет собой ее качественный образец. Впрочем, во введении к своей работе М.М. Агарков критически оценивает формально-логический метод изучения законодательного материала, указывая, что его применение характерно для буржуазной науки, в то время как в своей работе М.М. Агарков собирается применять марксистский диалектический метод¹.

Начнем с того, что автор исследует максимально абстрактное понятие обязательства, максимально общую проблему, фундаментальный институт гражданского права. На протяжении работы он исследует именно обязательство как таковое, не переходя к таким вопросам, как прекращение обязательств, их обеспечение, характеристика отдельных видов обязательств. По существу в своей работе Агарков рассматривает лишь вопросы об элементах обязательств и об основании возникновения обязательств. Широта предмета исследования обуславливает и в некотором смысле тезисное изложение многих вопросов и аргументов. В дальнейшем мы увидим не так много работ в отечественной литературе, посвященных понятию обязательства². Авторы последующих исследований в области обязательственного права стремились сосредоточиться на более специализированных, но менее фундаментальных вопросах обязательственного права (отдельные основания возникновения обязательств, исполнение, прекращение обязательств и т.д.).

М.М. Агарков начинает с разработки понятия обязательства и его элементов, опираясь прежде всего на достижения французской цивилистики и нормативный материал советского права. Автор приходит к выводу о целесообразности определения обязательства через активную сторону его содержания — как требование одного лица к другому совершить определенные действия или воздержаться от определенных действий. Такое определение соответствовало содержанию понятия обязательства в ГК РСФСР 1922 г. В настоящее время, как известно, ст. 307 ГК РФ содержит так называемое «двойственное» определение — с указанием (которое М.М. Агарков полагал излишним) одновременно и на обязанность должника, и на право кредитора.

¹ Риторика, весьма традиционная для работ советского периода!

² См.: Толстой В.С. Понятие обязательства по советскому гражданскому праву // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. XIX. М., 1971; Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975.

Далее М.М. Агарков выделяет обязательства с положительным и отрицательным содержанием. Очевидно, что первые составляют абсолютное большинство обязательств. Обязательства же с отрицательным содержанием предполагают обязанность должника воздерживаться от определенного поведения. В принципе им не ставится под сомнение существование обязательств с отрицательным содержанием. Современное гражданское законодательство как будто подтверждает данный тезис. Например, в ст. 783¹ ГК РФ допускается установление обязанности стороны договора по предоставлению информации не совершать в течение определенного времени действий, в результате которых информация может быть раскрыта третьим лицам, согласно ст. 1007 ГК РФ в агентском договоре могут быть предусмотрены обязанности принципала и агента не заключать аналогичных агентских договоров и т.д. Следует, однако, заметить, что в современной цивилистике существование обязательств с отрицательным содержанием подвергнуто сомнению¹.

В вопросе о существовании натуральных обязательств М.М. Агарков пришел к выводу, что такие обязательства в советском гражданском праве отсутствуют. Современный ему ГК РСФСР 1922 г., однако, содержал ст. 47, в соответствии с которой невозможно истребовать обратно исполненное по требованию с истекшим сроком исковой давности. М.М. Агарков полагал, что такое ограничение еще не образует обязательства, а лишь является одним из оснований перехода имущества к иному лицу (наряду, например, с наследованием, которое, будучи основанием для перехода имущества, обязательством не является). Как советская, так и современная наука гражданского права стоит в основном на противоположной позиции, предполагающей, что после истечения срока исковой давности обязательство не прекращается, а становится обязательством натуральным².

Наконец, М.М. Агарков касается вопроса об обязательствах имущественного и неимущественного характера и приходит к выводу, что любое обязательство должно носить имущественный характер. Таким образом, исключаются из сферы обязательственного права, например, личные отношения между супругами, между родителями и детьми.

¹ Белов В.А. Проблемы общего учения об обязательствах // Гражданское право: актуальные вопросы теории и практики. М., 2007. С. 673–679.

² Подробный анализ натуральных обязательств см.: Мертвищев А.В. Натуральные обязательства в российском гражданском праве. М., 2015.

Вопрос относительно правомерности выделения обязательств с неимущественным характером остается спорным¹.

Творчество М.М. Агаркова представляет для нас интерес и разработкой проблемы вспомогательных (секундарных) прав. В статье «Юридическая природа железнодорожной перевозки» он пишет, что грузоотправитель может своим односторонним волеизъявлением создать обязательственное правоотношение между собой и железнодорожным предприятием. Это его право подходит под понятие так называемых вспомогательных прав, или «прав на изменение юридического положения». «Обязательство по советскому гражданскому праву» представляет для нас интерес и в части разработки понятия секундарных прав, их разграничения с субъективным правом. В этой работе Агарков развивает идею о секундарных правах как проявлениях динамической правоспособности (право направить или принять оферту и т.д.). Вопрос о секундарных правах, мало изучавшийся в советской цивилистике, представляет интерес для современных исследователей². И эти исследования, разумеется, не обходятся без ссылок на М.М. Агаркова.

В целом, предлагая глубокий догматический анализ юридических категорий, М.М. Агарков не идет дальше, не предлагает, как правило, решения практических вопросов и проблем, стоящих перед гражданским оборотом. Однако едва ли такой недостаток можно вменять Михаилу Михайловичу. Автор и не ставил перед собой такой задачи. В целом структура его работы и избранный предмет исследования вполне соответствуют существовавшему в то время канону. Наконец, в 1940 г. автор находился в значительно худшем положении по сравнению с современными авторами с точки зрения доступности эмпирического материала. В условиях плановой экономики гражданский оборот содержал более скромный набор инструментов и юридических форм, а кроме того, доступность сведений о принятых судами и арбитражами решениях, о совершенных сделках была меньше по сравнению с нашим временем.

Впрочем, не следует полагать, что М.М. Агарков вовсе чужд соображений и выводов *de lege ferenda*, а лишь выявляет содержание нормативного материала и выстраивает его в определенную систему. Так, разбирая

¹ Обзор точек зрения см.: Белов В.А. Указ. соч. С. 667–669.

² См.: Бабаев А.Б. Проблема секундарных прав в российской цивилистике: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Карнушин В.В. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации. М., 2016.

в «Обязательстве...» вопрос об основаниях возникновения обязательств, М.М. Агарков констатирует, что ст. 106 ГК РСФСР 1922 г. явно устарела к моменту написания монографии в связи с тем, что содержит указание лишь на три основания возникновения обязательств (договор, неосновательное обогащение, причинение вреда), а это, по мнению автора, уже не соответствовало сложившимся общественным отношениям. В статье «Перевод долга» М.М. Агарков критикует изложение нормы о переводе долга в ст. 126 ГК РСФСР, которая представляет перевод долга как односторонний акт должника, якобы не предполагающий очевидно необходимого согласия нового должника¹.

Впрочем, такая критика законодательства, по сути, касалась лишь содержания и точности формулировок.

Другая работа, которой мы хотели коснуться, — «**Понятие сделки по советскому гражданскому праву**» (1947 г.). Следует признать, что поднятый в этой статье вопрос и в настоящее время не получил своего окончательного решения. Определение, предложенное законодателем в ст. 153 ГК РФ, весьма широко (действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей), и под него могут быть подведены и другие юридические факты, не являющиеся сделками. Аналогичное определение содержалось и в современной М.М. Агаркову ст. 26 ГК РСФСР 1922 г. Наиболее интересен в указанной работе тезис, определяющий сделку как правомерное юридическое действие. В этой связи, строго говоря, неточно словоупотребление «недействительная сделка», которое используется и в ГК РСФСР 1922 г., и в современном Гражданском кодексе, поскольку не может считаться сделкой действие, не являющееся правомерным. М.М. Агарков предлагает использовать термин «волеизъявление», как обозначающий более широкое понятие. Он, в частности, пишет: «Волеизъявление, направленное на установление, изменение или прекращение гражданских правоотношений, может быть действительным либо недействительным. Если оно действительно, оно является сделкой». Лишь на первый взгляд может показаться, что данный спор носит сугубо терминологический характер и направлен лишь на точное словоупотребление в законе, что хотя и весьма полезно для законодательного текста, однако имеет мало значения с точки зрения правоприменительной практики. Между

¹ Для сравнения: ст. 391 ГК РФ о переводе долга как раз указывает на соглашение между первоначальным и новым должником как на основание для перевода долга.

тем, наделяя недействительную сделку самостоятельной сущностью, законодатель дает и отдельный способ защиты права для сторон недействительной сделки — реституцию (ст. 167 ГК РФ)¹. Выделение реституции как самостоятельного способа защиты далее привело к вопросу о конкуренции его с иными способами защиты права, в частности с виндикацией². Если же исходить из того, что недействительная сделка — это юридическое «ничто», то тогда нет необходимости и в выделении самостоятельного способа защиты права, а участники такой «сделки» могут пользоваться иными способами защиты (виндикационным и кондикционным исками в первую очередь). Вопросы о существовании недействительной сделки как юридического факта и о том, является ли недействительная сделка сделкой, и до настоящего времени не решены окончательно³. В данном очерке, разумеется, не место вдаваться во все тонкости дискуссий по этому поводу.

Значительный интерес представляет и одна из первых работ М.М. Агаркова — **«Ценность частного права»**. Издана она в 1921 г., когда частному праву был сделан весьма серьезный вызов, вплоть до сомнений в его необходимости. (Впрочем, как признается автор, написана эта работа без использования материала советского законодательства.) Вызов этот был обусловлен не только кардинальной трансформацией политической и правовой системы нашей страны, но и тенденциями, наметившимися в европейской юридической науке. В 1917 г. выходит книга Л. Дюги «Общие преобразования гражданского права со времен Наполеона»⁴, в которой утверждается, что фундаментальная идея индивидуального субъектного права, на которой построены Декларация прав человека и гражданина 1789 г. и Кодекс Наполеона, уступает место праву как социальной функции, обязанности человека перед обществом. М.М. Агарков видит в таком воззрении отрицание частного права как такового. Кроме того, именно в конце XIX — начале XX в. некоторые области правового регулирования, традиционно относившиеся к частному праву, переходят в сферу публичного права.

¹ Заметим, что в действовавшем во время написания работы М.М. Агаркова ГК РСФСР 1922 г. о реституции как отдельном способе защиты права не говорится.

² Этому вопросу, в частности, было посвящено знаменитое Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П.

³ Разбор точек зрения на этот вопрос см.: *Тузов Д.О.* Концепция «несуществования» в теории юридической сделки. Томск, 2006.

⁴ В русском переводе см.: *Дюги Л.* Общие преобразования гражданского права со времен Кодекса Наполеона. М., 1919.

Таково, например, трудовое право, поскольку регулирование трудовых отношений в тот момент уже не могло удовлетворяться сугубо инструментами гражданского (частного) права¹. В своей работе автор дает краткий обзор современных ему взглядов на роль частного права и линию разграничения между правом частным и правом публичным. М.М. Агарков приходит к суждению, что они могут быть разграничены как «право социального служения» (публичное право) и «право лично-свободное» (частное право). Если публичное право имеет своей целью служение общественному благу, то частное право не имеет такого центра притяжения, оно может осуществляться как в эгоистических, собственных интересах самого обладателя права, так и в альтруистических целях для блага других лиц и общества.

Наиболее же интересным, глядя из нашего времени, представляется утверждение автора о том, что частноправовой или публично-правовой природой обладают субъективные права (отдельные правомочия). Характеризовать же целые институты в качестве частноправовых или публично-правовых, по мнению М.М. Агаркова, ошибочно, поскольку существуют институты смешанные (таковых, мы полагаем, едва ли не большинство). Сравним это с преобладающей до настоящего времени систематизацией права, предполагающей его деление на отрасли и институты. В рамках же отрасли выделяют методы правового регулирования, в зависимости от которых соответствующие отрасли и распределяются между сферами частного и публичного права. Не говоря уже о том, что отраслевое деление, на наш взгляд, рождает по большей части схоластические споры о правомерности выделения в отдельную отрасль предпринимательского, корпоративного, транспортного, экологического права и т.д., оно и вовсе смещает фокус внимания, заставляет в некотором смысле забыть, что элементы частного права проникают и в те сферы, где преобладает публично-правовое регулирование.

В дальнейшем, однако, автор иначе смотрел на вопрос о выделении частного права в праве вообще. В работе **«Предмет и система советского гражданского права»** (1940 г.) автор констатирует, что гражданское право должно определяться в первую очередь по предмету правового регулирования, вопрос же о делении права на частное и публичное оказывается, по замечанию М.М. Агаркова, ненужным для построения системы советского гражданского права. В еще бо-

¹ См.: Таль Л.С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. Ярославль, 1913. С. 11–13.

лее категоричной форме эта мысль повторяется в статье **«Принципы советского гражданского права»** (1947 г.), не оконченной в связи со смертью автора. Трудно сказать, действительно ли М.М. Агарков пересмотрел свои взгляды на необходимость деления права на частное и публичное или же такой пересмотр был вызван скорее тенденциями времени. Именно на период 1938–1940 гг. приходится дискуссия о системе советского права, в рамках которого помимо прочего отвергается и «свойственное буржуазному праву деление на частное и публичное»¹. В этом контексте изменение точки зрения на место частного права в системе права и вообще на деление права на частное и публичное вряд ли можно назвать неожиданным и удивительным. Наконец, сохрани М.М. Агарков свое утверждение периода 1920-х гг. о том, что гражданское право (советское) — это сфера проявления частной автономии, он бы попросту погрешил против истины, ведь возможности реализации частной автономии в условиях советской экономики были более чем скромными.

В данном вступительном слове не стоит задача разобрать все произведения Михаила Михайловича и во всей их полноте. Мы лишь хотели показать, что работы М.М. Агаркова вполне вписаны, встроены в современную цивилистическую мысль, ссылки на него в современных работах не перешли в разряд сугубо исторических, служащих лишь цели коротко обрисовать многолетнюю историю исследования определенного понятия или вопроса. Напротив, его взгляды и выводы имеют вполне самостоятельное значение, на них современные цивилисты основывают свои взгляды либо, напротив, спорят с ними.

Разумеется, не следует ожидать от работ 80-летней давности большего, чем они могут дать. В наше время догматика права, пожалуй, уступает лидирующее положение другим методологическим подходам²; возможно, догматические исследования не могут уже представлять «последнее» слово в юридической науке. Анализ правовой материи в широком социально-экономическом, политическом и культурном контексте значительно сложнее «банального комментаторства национальных кодексов и исторических источников, и бесконечного выстраивания и перестраивания дедуцированных из разрозненных

¹ Подробнее об этом см.: *Азми Д.М.* Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946 годы). М., 2009.

² *Михайлов А.М.* Юридическая догма и формально-юридический (догматический) метод в постсоветском правоведении // Проблемы постсоветской теории и философии права: перспективы свободного общества: Сборник статей. М., 2019. С. 170–171.

фрагментов общих принципов, «пирамид понятий» и классификаций»¹. При этом, как справедливо отмечает А.Г. Карапетов, догматика права сохраняет немалый потенциал за счет выявления противоречий внутри действующего позитивного права, более точного и системного изложения нормативного материала, но в то же время правовые исследования должны делать выводы *de lege ferenda*, так как при развитии права мы оказываемся в сфере ценностного выбора и этических дилемм, последнее же предполагает выход за пределы догматики в сферу политики права². Догматика права не утрачивает своего значения, она по крайней мере должна служить прочным фундаментом для выводов о возможности совершенствования законодательства и судебной практики. В отсутствие должной догматической проработки юридических понятий и конструкций любые предложения по усовершенствованию закона и практики его применения будут иметь произвольный характер, основываться лишь на субъективном взгляде отдельных исследователей и, как правило, несогласии с действием нормы в некоторых конкретных ситуациях. Однако без определения «нужной полки пандектного шкафа» для того или иного понятия, конструкции или института любые произвольные корректировки законодательства повлекут скрытые «поломки» во всей системе, которые юрист, не овладевший достижениями догматической юриспруденции, просто не сможет обнаружить. До тех пор, пока содержание таких понятий, как сделка, обязательство, секундарные права, и ряда иных не кристаллизовалось окончательно в юридической науке, пока не стало для законодателя, судьи, практикующего юриста окончательно ясным, труды Михаила Михайловича Агаркова сохраняют свою актуальность, их будут переиздавать и читать. Состояние же юридической науки и отечественного правоприменения говорит нам о том, что до времени, когда работы М.М. Агаркова останутся лишь исторической вехой в развитии права, весьма далеко.

*И.В. Стасюк,
кандидат юридических наук, адвокат
Январь 2024 г.*

¹ Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. М., 2012. Т. 2. С. 452.

² Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М., 2016. С. 12.

Некоторые пояснения читателю

Данное обращение к читателям предоставляет мне возможность принести им извинение за задержку в издании в серии «Классика российской цивилистики» научных произведений профессора М.М. Агаркова. Для меня, как и для любого человека, получившего высшее юридическое образование в советское время, было очевидным и бесспорным, что творчество М.М. Агаркова — это явление самобытное, представляющее собой кладезь фундаментальных и оригинальных идей, обладающих характером классических цивилистических постулатов. Поэтому, задумывая серию «Классика российской цивилистики», я хотел в числе первых представить в ней труды М.М. Агаркова. Когда встал вопрос о подготовке вводной статьи о жизни и творчестве Михаила Михайловича, профессор А.Л. Маковский посоветовал мне обратиться за этим к профессору В.А. Рахмиловичу, который был последним аспирантом Михаила Михайловича. Но обстоятельства сложились таким образом, что Виктор Абрамович не смог сделать этого. 25 сентября 2003 г. он ушел из жизни. Вместе с тем, работая над подготовкой к изданию в серии «Классика российской цивилистики» произведений А.А. Симолина¹ — учителя М.М. Агаркова, я познакомился с А.В. Симолиным — внуком А.А. Симолина, который совместно с моей аспиранткой Т.Е. Комаровой переработал огромный массив архивных и научно-исторических материалов, позволивших создать прекрасный достоверный очерк о жизни и творчестве А.А. Симолина². В данных материалах имелись веские доказательства того, что в выборе жизненного пути в эпоху революционных потрясений М.М. Агарков следовал за своим учителем. Стало очевидным, что в многочисленных публикациях о жизни и творчестве М.М. Агаркова имеют место обширные «белые пятна» и неточности, относящиеся к иркутскому

¹ Были изданы в 2005 г. См.: *Симолин А.А.* Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М.: Статут, 2005.

² См. там же. С. 7—47.

периоду его жизни (с 1918 до 1923 г.), когда он служил в Иркутском университете, созданном по велению омского белого правительства.

Однако недавно жизнь удивительным образом, через «Сибирский юридический вестник», подсказала мне, как устранить эти «белые пятна». На его страницах я нашел, при помощи А.Г. Долгова — директора издательства «Статут», — имя ученого, который наиболее полно и документально обоснованно представил в своих трудах жизнь и творческую деятельность М.М. Агаркова в Иркутске. Им оказался доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета Виктор Николаевич Казарин. Он любезно откликнулся на мою просьбу и представил публикуемый в настоящем издании очерк об иркутском периоде научно-педагогической деятельности профессора М.М. Агаркова. Данное обстоятельство позволило, пусть с большим опозданием, но с чистой совестью, принять решение о выпуске в свет настоящего издания. Поэтому надеюсь, что читатель простит нас за эту задержку, ибо она была порождена в том числе и нашим стремлением к исторической истине о личностях и трудах, представленных в серии «Классика российской цивилистики».

*Владимир Ем,
кандидат юридических наук, доцент
Апрель 2012 г.*

Иркутский период научно-педагогической деятельности М.М. Агаркова

Михаил Михайлович Агарков — доктор юридических наук, профессор, видный российский советский ученый-цивилист, чье имя прочно вошло в историю отечественной науки гражданского права. О том, что научное наследие М.М. Агаркова не только было значимым для современников, но и востребовано в наши дни, свидетельствует переиздание его основных научных трудов в последние годы.

М.М. Агаркову посвящена обстоятельная статья его ученицы — известного исследователя, профессора Р.О. Халфиной¹. Имя М.М. Агаркова упоминается в юбилейной статье, посвященной 200-летию Казанского университета, наряду с такими именами корифеев отечественной юридической науки, как Д.И. Мейер, Л.Ф. Камбек, А.И. Вицын, Е.А. Нефедьев, Е.В. Васьковский и др.² М.М. Агарков вполне достойно представлен в кратком биографическом словаре, посвященном русским цивилистам середины XVIII — начала XX в.³ М.М. Агаркова, как и другого известного российского ученого-цивилиста Бориса Борисовича Черепяхина, уважительно упоминает в своей статье видный современный ученый профессор Т.В. Кашанина⁴. В числе крупных представителей отечественной советской юридической науки наряду с такими выдающимися именами, как С.И. Аскназий, С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, А.А. Пионтковский, В.И. Райхер, М.С. Строгович, Б.Б. Черепяхин, М.Д. Шаргородский,

¹ См.: Халфина Р.О. Михаил Михайлович Агарков // Правоведение. 1978. № 3; С. 21—30 наст. тома.

² См.: Валеев В.Х., Фархтдинов Я.Ф. 200 лет науке гражданского процесса в Казанском университете // Арбитражный и гражданский процесс. 2004. № 4.

³ См.: Шилохвост О.Ю. Русские цивилисты: середина XVIII — начало XX в.: краткий биографический словарь. М., 2005. С. 9—10.

⁴ См.: Кашанина Т.В. Соотношение частного и публичного права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 2. С. 5, 12.

называет М.М. Агаркова один из патриархов современной юридической науки С.С. Алексеев¹.

Однако менее известно, что научно-педагогическая деятельность М.М. Агаркова – ученого-цивилиста была связана и с Иркутским университетом. Более того, он стоял у истоков высшего юридического образования и науки в Восточной Сибири. А в указанных выше и в других публикациях об иркутском периоде М.М. Агаркова либо очень кратко упоминается, либо содержатся существенные фактические неточности.

Наш современник, исследователь русского юридического наследия, доктор юридических наук, профессор Московского университета В.А. Томсинов в статье об Агаркове, очевидно за неимением информации, ограничивается одним предложением: «В 1919–1920 гг. он преподавал в Иркутском университете»². К сожалению, ошибочные данные об иркутском периоде научно-педагогической деятельности М.М. Агаркова приведены во вступительной статье С. Бабкина и В. Белова к двухтомнику избранных трудов М.М. Агаркова³.

Попытаемся, основываясь на архивных материалах и опубликованных источниках, воссоздать биографию М.М. Агаркова, уделив особое внимание малоизвестным страницам иркутского периода его деятельности.

Михаил Михайлович Агарков родился 1 апреля 1890 г. в Казани в семье чиновника. Среднее образование получил в Первой Казанской гимназии, которую окончил в 1908 г. с золотой медалью. В том же году поступил на юридический факультет Казанского университета, но спустя год перевелся на тот же факультет Петербургского университета. Однако в 1910 г. вернулся в Казанский университет и окончил его в 1912 г. с дипломом первой степени. Главным наставником студента Агаркова выступал авторитет российской цивилистики профессор гражданского и торгового права Габриэль Феликсович Шершеневич, который, к сожалению, скоропостижно скончался в год окончания университета будущим ученым.

Как один из лучших выпускников, М.М. Агарков был оставлен при университете на кафедре гражданского права и судопроизводства. Под ру-

¹ См.: Алексеев С.С., Красавчиков О.А. Борис Борисович Черепяхин (1894–1969) // Известия вузов. Правоведение. 1980. № 5. С. 60.

² Томсинов В.А. Агарков Михаил Михайлович (1890–1947) // Зерцало. Журнал юридической библиографии. Вып. 1. 1997. С. 36.

³ См.: Бабкин С., Белов В. «За глаза его называли «мэтр»... // Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. I. М., 2002.

ководством известного цивилиста профессора Александра Александровича Симолина он приступил к подготовке магистерских экзаменов.

По решению Совета Казанского университета М.М. Агарков на два года был командирован в Париж на стажировку. На юридическом факультете Сорбонны российский магистрант слушал лекции знаменитых цивилистов мира – А. Колина, М. Планиоля, Е. Годеме, Е. Эрлиха, Х. Капитана и др. Однако вместо двухлетней стажировки Агарков пробыл во Франции с апреля 1913 до сентября 1914 г. Первая мировая война сорвала все планы.

По возвращении в Казанский университет он продолжил свои занятия. В 1915 г. сдал магистерский экзамен. После прочтения двух лекций, причем одна из них была по назначению факультета, а вторая – по собственному выбору, М.М. Агарков был зачислен приват-доцентом Казанского университета. С весеннего семестра 1916 г. он начал преподавать гражданское и торговое право в университете. Кроме того, он преподавал на Высших женских курсах в Казани. Таким образом, 26-летний приват-доцент М.М. Агарков начал свою научно-педагогическую деятельность, которой он отдал более 30 лет своей жизни.

Разлом российского общества, явившийся следствием революции 1917 г. и разгоравшейся Гражданской войны, затронул и семью М.М. Агаркова. К осени 1918 г. Поволжье являлось территорией боевых действий противоборствующих сторон. Иркутск же тогда оставался в стороне от активного вооруженного противостояния. К тому же в октябре 1918 г. здесь открылся университет, руководство которого активно привлекало в формирующийся профессорско-преподавательский состав профессоров и доцентов из российских университетов.

Михаил Михайлович Агарков стал одним из первых профессоров Иркутского университета. Его по праву можно назвать одним из «отцов-основателей» первого университета в Восточной Сибири. Уже 23 октября 1918 г. исполнявший должность ректора Иркутского университета М.М. Рубинштейн сообщал министру народного просвещения в Омске о том, что сформированы два факультета: историко-филологический и юридический. Профессор М.М. Агарков был назван первым в составе преподавателей юридического факультета. Более того, профессор по кафедре гражданского и торгового права М.М. Агарков был первым исполнявшим должность декана юридического факультета и пребывал в ней около двух недель, пока постоянным деканом не стал про-

фессор Василий Павлович Доманжо¹. Таким образом, утверждение авторов вводной статьи к двухтомнику произведений М.М. Агаркова о том, что «волею судеб в 1920 г. Агарков оказывается в красном Иркутске, где Советская власть организует один из первых государственных университетов, в котором ученый и обретает временное свое пристанище»², ошибочно от начала до конца. Во-первых, в Иркутском университете М.М. Агарков оказался не в 1920 г., а преподавал в нем со дня его основания, т.е. с октября 1918 до 1923 г., став одним из его основателей. Во-вторых, Иркутский университет организовала не Советская власть и не в 1920 г. В-третьих, М.М. Агарков обрел в Иркутске не «временное пристанище», а проявил в этот период свой яркий педагогический и научный талант, став одним из активных педагогов и исследователей открывшегося в Восточной Сибири университета.

Наряду с М.М. Агарковым в Иркутском университете стали преподавать Василий Павлович Доманжо (римское право), Герберт Юлианович Маннс (уголовное право и криминалистика) — выпускники Казанского университета; Сергей Петрович Покровский, профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле (государственное право и история права); Александр Николаевич Колесников, выпускник Московского университета (административное право); Виктор Николаевич Охочимский, выпускник Томского университета (римское право). Таким образом, М.М. Агарков стал работать в сложившейся профессиональной среде, среди преподавателей, обладавших определенным опытом преподавательской работы в университетах России, имевших научные заслуги. Лучшие традиции бывших императорских университетов были продолжены в Иркутске. Это было очень важно для дальнейших стимулов в научной работе и лекторском мастерстве.

О том, в каких условиях работал Агарков в первые месяцы в университете, говорит такой факт. В октябре 1918 г. экстраординарному профессору было выдано удостоверение в том, что он не имел возможности приобрести верхнюю штатскую одежду и носил форму, выданную ему еще как члену думского комитета по обороне г. Казани. В справке указывалось также, что Агарков — беженец, поэтому необходимые документы отсутствуют и «будут представлены им при первой возможности». В другой справке указывалось, что М.М. Агарков, наряду с профессором-историком В. И. Огородниковым, приват-до-

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 15. Л. 13.

² См.: Бабкин С., Белов В. Указ. соч. С. 7.

центом Г.Г. Генкель и старшим ассистентом А.Г. Муравьевым, имел право хранить и носить револьвер¹. А беженец Агарков к тому времени уже имел семью. В июне 1918 г. он был повенчан вторым браком в Казани с дочерью почетного мирового судьи Надеждой Владимировной фон Глен. От первого же брака, заключенного в 1913 г. с дочерью заслуженного профессора Казанского университета Натальей Петровной Кротовой, он имел сына Олега, родившегося в 1916 г.²

В Иркутском университете М.М. Агарков читал курсы гражданского и торгового права, а также общей теории права (энциклопедии права), используя для этого прежде всего учебники и монографии Г.Ф. Шершеневича и Л.И. Петражицкого. Судьба распорядилась так, что одного из своих учителей, профессора А.А. Симолина, сыгравшего большую роль в становлении самого М.М. Агаркова как ученого, он, как и другие выпускники Казанского университета, профессора Иркутского университета В.П. Доманжо и Г.Ю. Маннс, проводили в последний путь именно в Иркутске 23 декабря 1919 г.³

Все свои профессиональные знания, полученные в Казанском университете и в Сорбонне, Михаил Михайлович воплотил в лекциях и практических занятиях. Студенты-юристы, приехавшие в Иркутск со всех концов России, имели возможность прослушать систематизированные, апробированные ранее в одном из ведущих отечественных университетов лекции, основанные на последних достижениях науки гражданского права и общей теории права. М.М. Агарков преподавал также на Высших Сибирских кооперативно-муниципальных курсах, образованных при юридическом факультете Иркутского университета.

Помимо этого М.М. Агарков принимал активное участие в общественной жизни города и университета. Он был избран представителем университета в созываемое Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества (ВСОРГО) совещание. В созданном Юридическом обществе М.М. Агарков вошел в состав президиума и стал его казначеем. В Иркутском университете он являлся председателем комиссии по рассмотрению уставов, членом комиссии по составлению положения о студенческих старостах и комиссии по составлению проекта положения о дисциплинарном суде, членом философско-педагогического общества.

¹ ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 15. Л. 13–14.

² Архив Иркутского государственного университета (Архив ИГУ). Оп. 3. Д. 2.

³ См.: Иркутская летопись. 1661–1940 гг. / Сост., авт. предисл. и примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 387.

Летом 1919 г. М.М. Агарков был избран профессором Пермского университета. В связи с этим декан юридического факультета Иркутского университета профессор В.П. Доманжо в рапорте на имя ректора ИГУ отмечал, что переход М.М. Агаркова в Пермский университет был бы нежелателен, поскольку с его уходом оказалось бы крайне необеспеченным преподавание по кафедрам торгового права и общей теории права. Профессору Агаркову было сделано соответствующее указание, после чего Агарков послал в Омск (административная столица Сибири в 1918–1919 гг.) срочную телеграмму с отказом от кафедры в Пермском университете. Телеграмму соответствующего содержания направил министру народного просвещения в Омск и ректор Иркутского университета¹. А 6 марта 1920 г. Совет Иркутского университета избрал М.М. Агаркова профессором по кафедре торгового права². В этом же месяце М.М. Агарков и его коллега по Иркутскому университету профессор В.А. Рязановский были допущены к исполнению должностей: первый — консультанта подотдела общих дел отдела юстиции, второй — юрисконсульта того же подотдела³.

После падения режима А.В. Колчака и восстановления в Иркутске советской власти произошли большие изменения, коснувшиеся и системы образования в Иркутском университете. Специальным распоряжением Иркутского губернского революционного комитета от 5 апреля 1920 г. функционирование юридического и историко-филологического факультетов было приостановлено. Новая власть рассматривала Иркутский университет как продукт прежнего режима, поэтому стала разрабатывать новое положение об университете. После утверждения положения два факультета, с которых и начинался университет, — юридический и историко-филологический, были объединены в один гуманитарный факультет, просуществовавший до июня 1921 г.⁴

Некоторое время оставался открытым вопрос, что будет с преподавательскими кадрами, начавшими работу в университете при колчаковском режиме. К осени 1920 г., т.е. к новому, уже советскому, учебному году вопрос разрешился. Основной состав преподавателей-юристов остался прежним. В числе профессоров, продолживших ра-

¹ Архив ИГУ. Оп. 3. Д. 2. Л. 21.

² См.: Иркутская летопись. 1661–1940 гг. С. 408.

³ Архив ИГУ. Оп. 3. Д. 2. Л. 29.

⁴ См.: Казарин В.Н. Становление юридического образования в Иркутском университете (1918–1931) // Юридический институт Иркутского государственного университета. История юридического образования в ИГУ (1918–2004). Иркутск, 2004. С. 15.